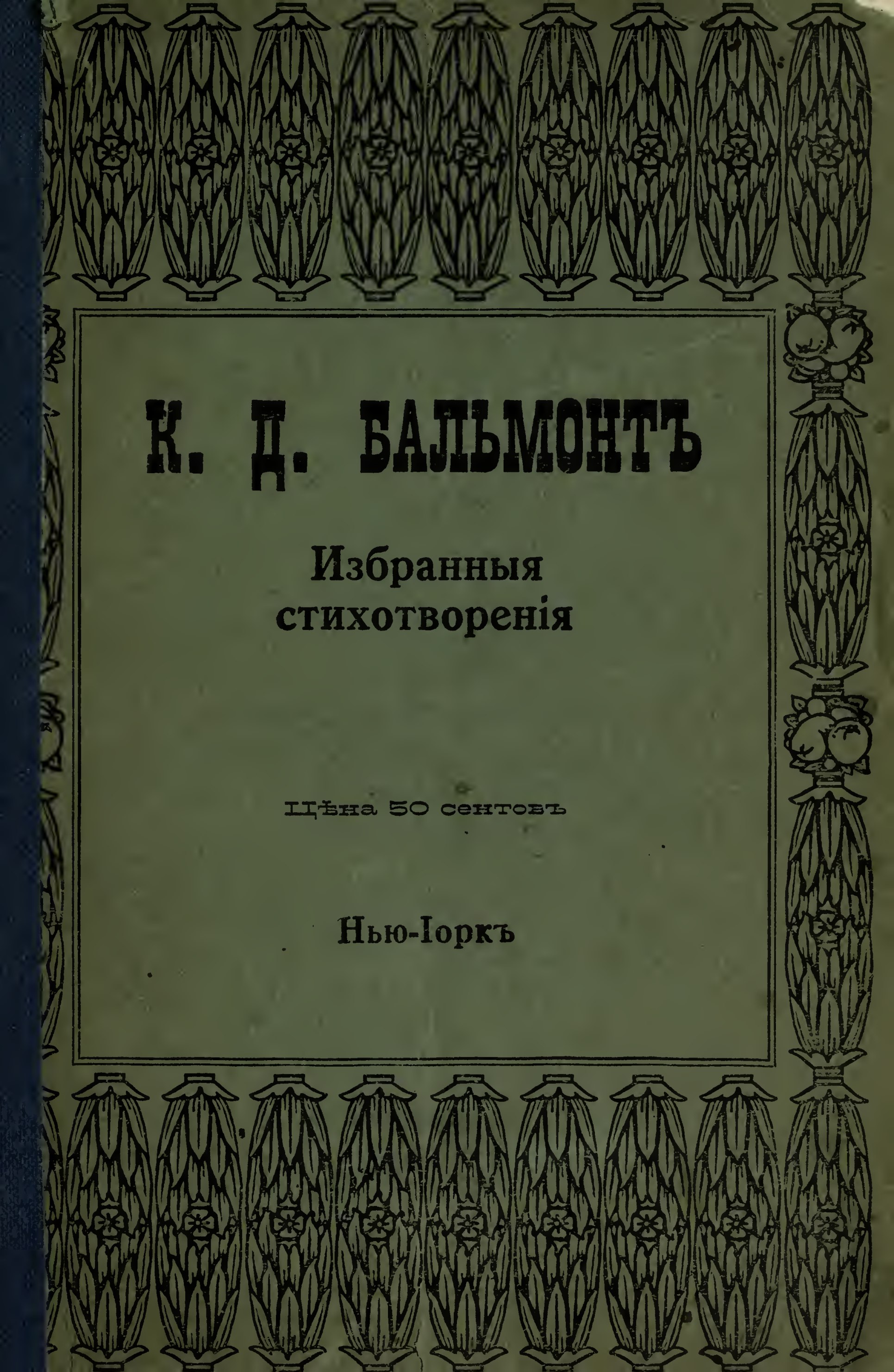
Bal'mont, Konstantin Dmitrievich
Избранныя стихотворенія.

Title transliterated:
Izbrannuie stikhotvoreniya

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

Избранныя стихотворенія

Цѣна 50 сентовъ

Нью-Іоркъ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

Избранныя стихотворенія

■

Нью-Іоркъ

3

РУДА.

Широки и глубоки
Рудожелтые пески.
Въ мірѣ, жетвенно, всегда,
Льется, льется кровь-руда.

Въ мѣдномъ небѣ свѣта нѣтъ.
Все же вспыхнетъ молній свѣтъ.
И желѣзная броня
Приметъ бой, въ грозѣ звеня.

Бой за вольное житье
Грянулъ, сломано копье,
И кольчуга сожжена,
А свобода, гдѣ она?

Дверь дубовая крѣпка,
Кто раскроетъ зѣвъ замка?
Сжаты челюсти змѣи
Свиты звенья чешуи.

И пустынно-широки
Рудожелтые пески,
И безмѣрно, какъ вода,
Льется, льется кровь-руда.

ИСПОЛИНЪ ПАШНИ.

Исполинъ безмѣрной пашни,
Какъ тебя я назову?

— Что ты блѣдный? Что, вчерашній?
Ты во снѣ, иль наяву?

Исполинъ безмѣрной нивы,
Отчего надменный ты?
— Не надменный, не спѣсивый —
Только любящій цвѣты.

Исполинъ безмѣрной рѣчи,
Цвѣтъ и колосъ любъ и мнѣ.
— Полно, тѣнь прочтенной книги,
Отойди-ка въ сторонѣ.

СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Чистъ, рѣчистъ языкъ славянскій былъ всегда,
Чистъ, рѣчистъ, пѣвучъ, какъ звучная вода.

Чутко-нѣженъ, какъ надъ влагою камышъ,
Какъ ковыль, когда въ степи ты спишь — не спишь.

Сладко-дологъ, словно свѣтлыя мечты,
Въ утро Мая, въ часъ, когда цвѣтутъ цвѣты.

Поцѣлуй, но онъ лелѣенъ, онъ лукавъ,
Какъ улыбка двухъ влюбленныхъ въ мигъ забавъ.

А порой, какъ за горою гулкій громъ,
Для врага угроза вѣрной мести въ немъ.

5

А порой, для тѣхъ, чья жизнь одинъ разбой,
Онъ какъ Море, что рокочетъ вперебой.

Онъ, какъ Море, онъ какъ буря, какъ пожаръ,
Разъ проснется, рушитъ все его ударъ.

Онъ проснулся, въ рьяномъ гнѣвѣ сны зажглись.
Кто разгнѣвалъ? Прочь съ дороги! Берегись!

БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Быть можетъ, мы разны не только по виду,
Быть можетъ, я вовсе другой.
Не знаю. Но знаю, что счелъ я своей незабвенной —
[обиду
Твою,
И ее пропою,
И этой обидой мы связаны вмѣстѣ,
Какъ голосомъ тайны, для насъ дорогой.
И этой обидой, и жаждою мести —
Мы вмѣстѣ, мы вмѣстѣ, къ пустынѣ морской,
Число нашихъ лодокъ огромно, несчетно.
И мы ударяемъ весломъ,
И въ разныхъ ладьяхъ мы плывемъ быстролетно,
Но кончится путь — на прибрежьи одномъ.
И въ часъ, какъ на берегъ пристанемъ мы ровно,
Быть можетъ, тебѣ не припомнюся — я,
Но сладко мнѣ знать, что побѣдно и грозно
Промчится крылатая стая моя.

6

СТРИБОГОВЫ ВНУКИ.

Вѣтры, Стрибоговы внуки,
Проносясь по безмѣрнымъ степямъ,
Разметали захватисто, цѣпкія, межъ травъ шелестящія,
Кому-то грозящія,
Блѣдныя руки,
Стонутъ, хохочутъ, свистятъ, шепчутъ соблазны
Громамъ.

„Гдѣ же вы, громы?
Судьбы намъ разны,
Гдѣ вы тамъ, громы? Вамъ незнакомы
Вольныя шири степей,
Слава идетъ, что вы будто гремите, —
Гдѣ ужъ вамъ! Спите!
Это лишь вѣтры, лишь мы шелестимъ, убѣгая по волѣ
[скорѣй и скорѣй.
Степь пробѣжимъ мы, всю степь мы измѣримъ,
Съ хохотомъ, топотомъ, вторгнемся въ лѣсъ,
Сосны разметаны, травы всѣ спутаны. Что-жъ,
[не хотите спуститься съ небесъ?
Гдѣ ужъ вамъ! Что ужъ вамъ! Мы только носимся,
Въ небо влетимъ, никого тамъ не спросимся,
Рухнемъ на море, поднимемъ волну,
Свистнемъ, — и въ другую страну.
Въ ночь колдовскую загадкой глядимъ,
Снѣгъ поднимаемъ и носимся съ нимъ.
Пляшемъ подъ крышей съ соломой сухой,
Въ душу бросаемъ и хохотъ, и вой.
Нѣжною флейтою душу пьянимъ,
Бѣшеной кошкою вдругъ завизжимъ.

Вѣдьмы смѣются, услышавши насъ,
Знаютъ, что вотъ онъ, отгадчивый часъ.
Вмигъ мы приносимся, вмигъ мы уносимся,
Входимъ гдѣ нужно, не молимъ, не просимся.
Снова по прихоти мчимся своей,
Эй, вы, просторы степей,
Вѣтры мы, вѣтры, Стрибоговы внуки,
Дайте намъ пѣть и плясать веселѣй,
Мы вѣдь не сѣрою тучею влекомы,
Нѣтъ,
Мы вѣдь не громы,
Наши всѣ земли и нашъ небосводъ,
Мраки и свѣтъ,
Прямо летимъ мы — и вдругъ поворотъ
Мы вѣдь не громы.
Небо? Да мы не считаемся съ нимъ,
Если чего мы хотимъ, такъ хотимъ!»

Вдругъ въ небесахъ разорвались хоромы,
Башнями, храмами взнесшихся тучъ,
Это за громы обиженъ, гремучъ.
Въ бѣгѣ блистателенъ,
Въ гнѣвѣ пѣвучъ,
Въ краскахъ цвѣтистъ, въ торжествѣ обаятеленъ,
Молніей дымный чертогъ свой порвавъ,
Съ тьмой, съ тучевыми его водоемами,
Молніи бросивъ на землю изломами,
Выпустилъ гнѣвности: «Вотъ вамъ дорога,
Громы, задѣли васъ внуки Стрибога
Вотъ же имъ факелы травъ.
Малые, юные, дерзкіе, алые,
Вѣтры степные,

Есть и небеснымъ услада забавъ!
Мы не впервые ,
Рушимъ созданья небесныхъ зыбей.
Любъ ли пожаръ вамъ, горѣнье степей?
Любы ли вамъ громочудные звуки?
Громы гремятъ!»

Но Стригобовы внуки,
Выманивъ тайну, вметнувъ ее въ быль,
Рдяный качая горячій ковыль,
Съ свистомъ, съ шипѣньемъ, змѣинымъ, хохочущимъ,
Струйно — рокочущимъ,
Дальше уносятся, дальше уносятся, слѣдомъ клубится
[лишь пыль.

ВОЛЧЬЕ ВРЕМЯ.

Я смотрю въ родникъ старинныхъ нашихъ словъ,
Тамъ провидѣнье глядится въ глубь вѣковъ.
Словно въ зеркалѣ, въ дрожаніи огней,
Рѣчь старинная — въ событіи нашихъ дней.

Волчье время — съ ноября до февраля,
Ты растерзана, родимая земля.
Волколаки и вампиры по тебѣ
Ходятъ съ воемъ, нѣтъ и мѣры ихъ гурьбѣ.

Что ни встрѣтится живого — пища имъ,
Ихъ дорога — трупы, трупы, дымъ и дымъ.
Что ни встрѣтится живого — загрызутъ,
Гдѣ же есть на нихъ управа — правый судъ?

Оболгали, осквернили все кругомъ.
Цѣлый край — одинъ сплошной кровавый комъ.
Съ ноября до февраля былъ волчій счетъ.
Съ февраля до коихъ поръ другой идетъ?

Волчьи души, есть же мѣра наконецъ,
Слишкомъ много было порвано сердецъ,
Слишкомъ много было выпито изъ жилъ
Крови, крови, кровью міръ вамъ послужилъ.

Онъ за службу ту отплатитъ вамъ теперь,
Въ крайній мигъ и агнецъ можетъ быть какъ звѣрь.
Въ вѣщій мигъ предѣльно глянувшихъ расплатъ,
Съ вами травы какъ ножи заговорятъ.

Есть для оборотней страшный оборотъ,
Казнь для тѣхъ, кто перепуталъ всякій счетъ.
Волчье время превратило всѣхъ въ волковъ,
Волчьи души, зубъ за зубъ, вашъ гробъ готовъ.

РЖАВЧИНА.

Ржавчина, кровь, и огонь,
Тайна какая въ васъ скрыта?
Тише, ретивый мой конь,
Жди. Замелькаютъ копыта.

Я приготовилъ стилетъ.
Въ сердце — играющій пламень.
Ржавчины болѣе нѣтъ,
Грянетъ подкова и камень.

Брызнетъ изъ камня огонь.
Дрогнутъ посѣвы полыни,
Ржавчина, сердце не тронь.
Конь, какъ мы вольны въ пустынѣ.

Колыбельная пѣсня.

Липы душистой цвѣты распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,
Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,
Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,
И позабудемъ мы прошлые дни,
И позабудемъ мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бѣдный ребенокъ, больной и застѣнчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страданія.
Какъ наклоняется нѣжно къ ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Такъ заглянула ты въ душу мою,
Ищешь отвѣта въ ней... Спи! Колыбельную
Я тебѣ пѣсню спою!

О, моя ласточка, о, моя дѣточка,
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,
Крѣпче къ надежному сердцу прильни,

11

Мы не измѣнимся, мы не разстанемся
Будемъ мы вмѣстѣ и ночи и дни...
Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА*)

1.

Уходятъ дни. И вотъ ужъ десять лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ склонилась.
Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
Толпа твоихъ видѣній, о поэтъ,
Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ нѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ,
Родной страны суровыя мятели
Рыдаютъ скорбью въ сумракѣ ночномъ,
Баюкаютъ тебя въ твоей постели,
И шепчутъ о блаженствѣ неземномъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тьмѣ невзгоды,
Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживалъ мучительные годы,
Ты былъ исполненъ думою одной: —

---

*) Было прочитано авторомъ 31-го октября 1893 года въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти И. С. Тургенева.

4.

Кумиръ неволи сбросить съ пьедестала,
Живой волной ударить въ берега,
Сломить ту силу, что умы сковала, —
И ты поклялся клятвой Ганнибала,
Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Плѣняющей печальной красотой,
И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
Средь грубости — любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою плеядой,
Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,
Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой, —
И пала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ, зиждительный и чудный,
Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
И вотъ опять — далекій, многотрудный,
Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ завѣтныя аллеи.
Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
Сирень, и резеда, и эпопеи,
И георгины гордые цвѣтутъ.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропотъ,
За рощей чуть горитъ луны эмаль
И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
И слышенъ чей-то странный, грустный, шопотъ,
Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль,

10

И тамъ вдали, гдѣ роща такъ туманна,
Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой, —
Елена, Маша, Лена, Маріанна,
И Ася, и несчастная Сусанна —
Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
Созданія любви и красоты,
И дѣвственной, и женственной мечты,
Ихъ вызвалъ къ жизни чистый, нѣжный геній,
Онъ далъ имъ форму, краски, и черты.

12

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданій женской любящей души,
Ея завѣтныхъ думъ, нѣмой печали,
Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
Тѣ пѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчаніе,
Запросамъ тайнымъ громкій далъ отвѣтъ,
Изъ тьмы онъ вывелъ женщину, на свѣтъ,
Въ широкій міръ стремленій и сознанья,
На путь живыхъ восторговъ, битвъ и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
О томъ, кто удалился въ міръ иной,
Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
Здѣсь собралась толпа ему родная,
Съ нимъ сливавшаяся мыслію одной.

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
Ужъ десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
Но ты, нашъ другъ, учитель, и поэтъ,
Средь насъ живешь! Сверкнетъ надъ тобою
Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно, шуршатъ камыши.

О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?

Мелькаютъ, мигаютъ, — и снова ихъ нѣтъ.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порой камыши шелестятъ,
Въ нихъ жабы, гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ,
То мѣсяцъ багровый печально поникъ.

И тиной запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманитъ, сожметъ, засосетъ.

„Кого? Для чего?“ — камыши говорятъ,
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“

Но мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.

И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршатъ камыши.

ИСПОЛИНСКІЕ ГОРЫ.

Исполинскіе горы,
Заповѣдныя скалы,
Вы — земные узоры,
Вы — вселенной кристаллы.

Вы всегда благородны
Неизмѣнно прекрасны,
Отъ стремленій свободны,
Къ человѣку безстрастны.

Вы простерли изломы,
Обрамленные мохомъ,
Вы съ борьбой незнакомы,
Незнакомы со вздохомъ.

Вы спокойно безмолвны,
Васъ не тронутъ рыданья,
Вы — застывшія волны
Отъ временъ Міозданья,

КОВЫЛЬ.

(И. А. Бунину).

Точно призракъ умирающій,
На степи ковыль качается,
Смотритъ мѣсяцъ догорающій,
Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
По пространству неоглядному,
И непрочныя, минутныя,
Что-то шепчутъ вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
Исчезаетъ за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяцъ меркнетъ, омрачается,
Догорающій и тающій,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призракъ умирающій.

—*—

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спитъ. Молчитъ вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится, печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говоритъ,
А на небѣ вечеръ догорающій
И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать непоправимаго
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ,
Точно онъ у озера родимаго
О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
Что предъ смертью, вѣчной, примиряющей,
Видѣлъ правду въ первый разъ.

—•—

ПРИЗРАКИ.

Шелестъ листьевъ, шопотъ травъ,
Переплескъ рѣчной волны,
Ропотъ вѣтра, гулъ дубравъ,
Ровный блѣдный блескъ луны.

Словно въ дѣтствѣ предо мною,
Надъ рѣчною глубиною,
Нимфы блѣдною гирляндой обнялись, переплелись.
Брызнутъ пѣной, разомкнутся,
И опять плотнѣй сожмутся,
Опускаясь, поднимаясь, на волнѣ и вверхъ и внизъ.

Шепчутъ темныя дубравы,
Шепчутъ травы про забавы
Этихъ блѣдныхъ, этихъ нѣжныхъ обитательницъ [волны,
Къ нимъ изъ дали неизвѣстной
Опустился эльфъ чудесный,
Какъ на нити золотистой, на прямомъ лучѣ Луны.

Выше истины земной,
Обольстительнѣе зла,
Эта жизнь въ тинѣ ночной,
Эта призрачная мгла.

—*—

РУЧЕЙ.

(Съ восточнаго)

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,

Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй,
На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы.

И свободный отъ мертвыхъ бездушныхъ оковъ,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный сладостный зовъ
Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
И застѣнчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
И безслѣдно растаютъ оковы зимы,
Что жъ ты плачешь, скорбящій звенящій ручей,
Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?

---*---

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
Взволнованнаго Моря!
Какъ сводъ небесъ угрюмъ.
Какъ бьются тучи, споря

О чемъ шумитъ волна,
О чемъ протяжно стонетъ?
И чья тамъ тѣнь видна,
И кто тамъ въ Морѣ тонетъ?

Гремитъ морской прибой.
И дологъ вой упорный;
„Идемъ, идемъ на бой,
„На бой съ Землею черной!

„Разрушимъ грань земли,
„Покроемъ все водою!
„Внемли, Земля, внемли,
„Нашъ крикъ грозитъ бѣдою!

„Мы все зальемъ, возьмемъ,
„Поглотимъ жадной бездной,
„Громадой волнъ плеснемъ,
„Взберемся въ міръ надзвѣздный!“

„Шуми, греми, прибой!“
И стонутъ всплески смѣха.
„Идемъ, идемъ на бой!“ —
„На бой“ — грохочетъ эхо.

БАЮШКИ-БАЮ.

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вѣчно молчаливая
Я тебѣ спою
Баюшки-баю.
Съ радостью свиданья
Къ намъ идутъ страданія,

Лучше—отреченіе,
Скорбь, самозабвеніе.
    Счастія не жди,
    Въ сердце не гляди.
Въ жизни кто оглянется,
Тотъ во всемъ обманется,
Лучше безразсудными
Жить мечтами чудными.
    Жизнь проспать свою
    Баюшки-баю.
Гдѣ-то море пѣнится,
И оно измѣнится,
Утомится шумное,
Шумное, безумное.
    Будетъ подъ луной
    Чуть дышать волной.
Спи же, спи, печальная,
Спи, многострадальная
Грустная, стыдливая
Птичка боязливая.
    Я тебѣ пою
    Баюшки-баю.

———*———

ТУМАНЫ.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
Ползли, холодные, надъ мертвою травой,
И блѣдные цвѣты шепталися другъ съ другомъ,
Скорбя застывшею листвой

Они хотѣли жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, горѣть, лелѣять ароматъ,
Любиться съ пчелами, дрожать подъ мотыльками,
Изъ міра сдѣлать пышный садъ.

Они изнемогли подъ сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
Что поздно вспыхнутъ краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землей,
И вѣтры буйны, смѣясь, его качали,
И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.

Все жарче день пылалъ сверкающимъ привѣтомъ,
Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча, —
И облако зажглось, пронизанное свѣтомъ
Непобѣдимаго луча!

***

Слова смолкали на устахъ,
Мелькалъ смычокъ, рыдала скрипка,
И возникла въ двухъ сердцахъ
Безумно свѣтлая ошибка

И взоры жадные слились
Въ мечтѣ, которой нѣтъ названья,
И нитью зыбкою сплелись,
Томясь, и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
Любовь росла и возростала,
И скрипка, точно слившись съ ней,
Дрожала, пѣла и рыдала.

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ. . . . .

Благородному борцу
Петру Өедоровичу Николаеву.

Вдали отъ блеска дня, вдали отъ шума,
Я не жилъ не годъ, не два, а сотни лѣтъ.
Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
Онъ мнѣ твердилъ одно лишь слово: — „Нѣтъ“
И я забылъ, что въ мірѣ дышетъ свѣтъ,
И я забылъ, что значатъ звуки смѣха,
Я ждалъ — чего-то ждалъ — хоть новыхъ бѣдъ.
И мнѣ одна была дана утѣха: —
Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,
И они гасли вновь, какъ бѣглыя зарницы,
Какъ проблески блуждающихъ огней,
Какъ буквы строкъ сжигаемой страницы
И вмѣсто нихъ тянулись вереницы
Насмѣшливыхъ кроваво-смутныхъ сновъ;
Какъ хищныя прожорливыя птицы,
Какъ полчища уродливыхъ враговъ,
Неслись ко мнѣ на звонъ моихъ оковъ.

И все же въ этой черной тьмѣ изгнанья
Зажегся блескъ, зажегся, наконецъ;

Кипучія и жгучія страданья
Взлелѣяли сверкающій вѣнецъ,
И первый лучъ смѣялся, какъ гонецъ
Моей весны, душистаго разсвѣта.

ОПРИЧНИКИ.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣивали игры,
Чтобъ увеличить полчище гробовъ, —

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ
На женъ и дѣвъ ниспосылали срамъ, —

Когда обливъ шута горячею водою,
Его добилъ ножомъ освирѣпѣвшій царь, —
На небесахъ, своею чередою,
Созвѣздія улыбались какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ случайно,
Я слѣпну въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.
О, если міръ—божественная тайна,
Онъ каждый мигъ — клевещетъ на себя!

ОДНОДНЕВКА.

Я живу своей мечтой
Въ дымкѣ нѣжно-золотой,

Близъ уступовъ мертвыхъ скалъ
Тамъ гдѣ вѣтеръ задремалъ.

Весь я сотканъ изъ огня,
Я лучистый факелъ дня,
Въ дымкѣ утренней рожденъ,
Къ свѣтлой смерти присужденъ.

Однодневкой золотой
Вьюсъ и рѣю надъ водой,
Вижу Солнце, вижу свѣтъ,
Всюду чувствую привѣтъ.

Только умеръ, вновь я живъ,
Чуть шепчу въ колосьяхъ нивъ,
Чуть звеню волной ручья,
Слышу откликъ соловья.

Вижу взоры красоты
Слышу голосъ: „Милый! Ты?"
Вновь спѣшу въ любви сгорѣть,
Смертью сладкой умереть.

——::——

СТРАНА НЕВОЛИ.

Я попалъ въ страну Неволи. Ѣду ночью—всюду лѣсъ.
Ѣду днемъ,—и сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь небесъ.
Въ ограниченномъ пространствѣ, межъ вершинами и мной
Лишь летучія свѣтлянки служатъ солнцемъ и луной,
Промелкнутъ, блеснутъ, исчезнутъ,—и опять зеленый
[мракъ,

И не знаешь, гдѣ дорога, гдѣ раскрывшійся оврагъ.
Промелькнуть, сверкнуть, погаснуть, — и на мигъ въ
[въ душѣ моей,
Точно зовъ, но зовъ загробный, встанетъ память
[прошлыхъ дней.
И тогда въ узорахъ вѣтокъ ясно вижу предъ собой
Письмена нѣмыхъ проклятій, мнѣ нашептанныхъ
[Судьбой.
О безбрежность, неизбѣжность, непонятнаго пути!
Если каждый шагъ—ошибка, кто же мнѣ велѣлъ идти?
Развѣ я своею волей въ этомъ сказочномъ лѣсу?
Развѣ я не задыхаюсь, если въ сердце грѣхъ несу?
Развѣ мнѣ не страшно биться между спутанныхъ вѣтвей?
Врачъ? Откликнись! Нѣтъ отвѣта, нѣтъ луча душѣ моей,
И своимъ же восклицаньемъ я напуганъ въ горькій
[мигъ,—
Если кто мнѣ отзовется, это будетъ мой двойникъ.
А во тьмѣ такъ страшно встрѣтить очеркъ блѣднаго лица.
Я попалъ въ страну Неволи...
Нѣтъ конца.

—*—

ГЛУШЬ.

Лугъ—болото—поле—поле,
Надъ рѣчонкой ивы.
Сладко дышется на волѣ,
Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь нѣжитъ глазъ и ухо
Ласкою веселой.

Прожужжала гдѣ-то муха,
Шмель гудитъ тяжелый.

Всюду — божія коровки,
Розовыя кашки,
Желто-бѣлыя головки
Полевой ромашки.

Нѣжно-тонки очертанья
Задремавшей дали...
Полно, развѣ есть страданья?
Развѣ есть печали?

---*---

ПАПОРОТНИКЪ.

Тѣнью легкой и неслышной
Я замедлилъ у пути,
Тамъ гдѣ папоротникъ пышный
Долженъ будетъ расцвѣсти.

Освященный ножъ доставши
Очертилъ заклятый кругъ;
Возлѣ скатерть разостлавши,
Жду. Но чу! Шипящій звукъ!

Это дьяволы толпою
Собрались вокругъ меня,
Смотрятъ, манятъ за собою
Брызжутъ искрами огня.

Но безстрастный, безучастный,
Я стою въ своемъ кругу,
Съ этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшенъ ликъ ихъ искаженный,
И сильнѣй горятъ огни.

Но въ груди сдержавъ волненье,
Заклинанья я шепчу,
Жду завѣтнаго мгновенья,
И дождусь, чего хочу.

Сонъ придетъ. Цвѣтокъ волшебный,
Чте блеститъ однажды въ годъ,
Златоцвѣтный и цѣлебный,
На мгновенье расцвѣтетъ.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчасъ папоротникъ сонный
Озаритъ кругомъ траву.

Я пройду толпу видѣній,
Безъ оглядки убѣгу,
И источникъ наслажденій
Возлѣ сердца сберегу.

И навѣки этотъ властный,
Драгоцѣнный амулетъ

Будетъ мнѣ свѣтить какъ ясный,
Но никѣмъ не зримый свѣтъ.

Довѣряясь этой жгучей
И таинственной звѣздѣ,
Я пройду, какъ духъ могучій,
По землѣ и по водѣ.

Мнѣ понятны будутъ строки
Ненаписанныхъ страницъ,
И небесные намеки,
И языкъ звѣрей и птицъ.

Миръ тому, кто не боится
Ослѣпительной мечты,
Для него восторгъ таится,
Для него цвѣтутъ цвѣты!

—*—

Человѣчки.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный,
[щепетильный,
Вся душа его, душонка—точно изъ морщинъ.

Вѣчно — долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно,
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный,
[гробъ сердецъ,
Можешь карты, можешь мысли передернуть — осторожно,
Явно грабить неразумно, но—стриги овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:
Тотъ упорно двѣ-три ноты тянетъ-тянетъ безъ конца,
Звѣрь несчастный существуетъ отъ обѣда до обѣда,
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвитъ отца.

Этотъ ту же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь
[просвѣщенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ на
[крючокъ.
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца, евнухъ
[сонный,—
О, когда бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть могъ.

---*---

ИГРАТЬ.

Играть на скрипкѣ людскихъ рыданій,
На тайной флейтѣ своихъ же болей,
И быть воздушнымъ какъ мигъ свиданій
И нѣжнымъ-нѣжнымъ какъ цвѣтъ магнолій.

А послѣ?—Послѣ—не существуетъ.
Всегда есть только—теперь, сейчасъ,
Мгновенье вѣчно благовѣствуетъ,
Секунда—атомъ, живой алмазъ.

Мы расцвѣтаемъ, мы отцвѣтаемъ,
Безъ сожалѣнья, когда не мыслимъ.
И мы страдаемъ, и мы рыдаемъ,
Когда считаемъ, когда мы числимъ.

Касайся флейты, играй на скрипкѣ,
Укрась алмазомъ вверху смычокъ,
Сплети въ гирлянду свои ошибки
И кинь ихъ въ пляску, въ намекъ, въ прыжокъ.

—*—

ЛѢСНЫЯ ТРАВЫ.

Я люблю лѣсныя травы
    Ароматныя,
Поцѣлуи и забавы
    Невозвратныя.

Колокольные призывы
    Отдаленные,
Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы
    Полусонныя.

Очертанья лицъ мелькнувшихъ
    Неизвѣстныя,
Тѣни сказокъ обманувшихъ
    Безтѣлесныя.

Все, что манитъ и обманетъ
    Насъ загадкою,
И навѣки сердце ранитъ
    Тайной сладкою.

—*—

СКАЗКА РѢКЪ

Говоритъ намъ старина,
Раньше, въ радостяхъ игры,

Днѣпръ, Волга, и Двина
Были братъ и двѣ сестры.

Бѣденъ былъ отецъ у нихъ,
Чуть родивъ, скончалась мать,
Домъ былъ пустъ, и домъ былъ тихъ,
Вотъ отправились гулять.

Побродила ихъ мечта,
Походила далеко,
Все хотятъ найти мѣста,
Чтобъ разлиться широко.

Какъ то разъ среди болотъ
Ночевать они легли,
Братъ уснулъ, во снѣ поетъ,
Сестры встали, потекли.

Сестры были похитрѣй,
И какъ длилась темнота,
Взяли въ хитрости своей
Всѣ отлогія мѣста.

Братъ проснулся поутру,
Серебрится ранній свѣтъ,
Кликнулъ старшую сестру
Кликнулъ младшую, ихъ нѣтъ.

Разсердился, дрогнулъ братъ,
Шумный токъ какъ бѣгъ врага,
Струи пѣнныя кипятъ,
Рвутъ крутые берега.

Въ буераки мечутъ гулъ
Силой гнѣвностей своихъ,
Вотъ и Море, онъ вздохнулъ,
Онъ ровнѣй пошелъ, утихъ.

Въ это время двѣ сестры
Разбѣжались отъ него,
Были вмѣстѣ до поры,
Будетъ родно торжество.

Оттого то у Днѣпра
Рукавовъ, пороговъ рой,
И быстра его игра
Передъ Волгой и Двиной!

КОРМЩИКЪ.

— Кто ты? — Кормщикъ корабля.
— Гдѣ корабль твой? — Вся земля.
— Вѣрный руль твой? — Въ сердцѣ, здѣсь.
— Сине море? — Разумъ весь.
— Весь? Добро и рядомъ Зло?
— Сильно каждое весло.
— Пристань? — Сонъ. — Маякъ? — Мечта.
— Достиженье? — Полнота.
— Полноводье, а затѣмъ?
— Ширь пустынь — услада всѣмъ.
— Сладость, сонъ, а наяву?
— Въ безоглядности—плыву.

СВАДЬБА

Я вѣнчалася съ дружкомъ
Подъ кусточкомъ подъ кустомъ,
Платье свадебно Луна
Убѣлила съ высоты,
Наша церковь—тишина,
Гости свадебны—цвѣты.

Подъ кусточкомъ подъ кустомъ
Тамъ и свадебный былъ домъ,
Были пѣвчіе у насъ:
Между ладонныхъ вѣтвей,
Всю то ночку пѣлъ какъ разъ
Надо мною—соловей.

Обручила насъ весна,
Обвѣнчала тишина,
И на яблонѣ лѣсной
Осыпались лепестки.
Хорошо-ль тебѣ со мной?
Вѣчно-ль будемъ мы дружки?

СОЛНЦЕ, ВѢТЕРЪ и МОРОЗЪ.

Вотъ и мнѣ узнать пришлось
Солнце, Вѣтеръ и Морозъ.

Шелъ дорогой я одинъ,
Вижу: Солнце, Божій сынъ.

Вижу: Вѣтеръ, Божій братъ,
И Морозъ, идущій въ Адъ.

На дорогѣ на одной
Трое всѣ передо мной.

Въ поясъ кланяюсь я имъ,
Тремъ могучимъ міровымъ.

Всѣмъ имъ поровну поклонъ,
Вѣтру вдвое, любъ мнѣ онъ.

Солнце въ гнѣвѣ на меня: —
„Ну, узнаешь власть огня.

„Не захочешь и врагу.
„Я сожгу тебя, я жгу“.

Вѣтеръ молвилъ: — „Ничего.
„Солнце жжетъ, смиримъ его.

„Въ свѣжемъ духѣ жизнь моя.
„Вѣю, вѣю, вѣю я“.

„Солнце что!“ сказалъ Морозъ,
Въ бѣлизнѣ своихъ волосъ.

„Солнце слабо, силенъ ледъ,
„Пострашнѣй со мною счетъ“.

Вѣтеръ молвилъ: „Ничего.
„Жестокъ ледъ, смягчимъ его.

„Въ вешнемъ духѣ жизнь моя.
„Вѣю, вѣю, вѣю я".

Вѣтеръ Солнце укротилъ,
Пламень—только освѣтилъ.

Озарилъ, не сжегъ меня
Токъ блестящаго огня.

Въ Вѣтрѣ кроткимъ сталъ Морозъ,
Маемъ быть ему пришлось.

Поворчалъ онъ, былъ онъ золъ,
И какъ яблоня расцвѣлъ.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, ты вѣдунъ,
Съ юнымъ старъ ты, съ старымъ юнъ.

Колдовская власть твоя
Вѣешь ты и свѣтелъ я.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, весь я твой,
Вешній я теперь съ тобой.

Распознать мнѣ довелось
Солнце, Вѣтеръ и Морозъ.

——::——

ПЕРУНЪ

У Перуна ростъ могучій,
Ликъ пріятный, усъ златой,

Онъ владѣетъ влажной тучей,
Словно дѣвой молодой.

У Перуна мысли быстры,
Что захочетъ — такъ сейчасъ,
Сыплетъ искры
Изъ зрачковъ сверкнувшихъ глазъ.

У Перуна знойны страсти,
Но, достигнувъ своего,
Что любилъ онъ — рветъ на части,
Тучу сжегъ — и нѣтъ его.

ВѢТЕРЪ

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю.
К. Бальмонтъ.

Съ визгомъ, присвистомъ напѣвнымъ
Вѣетъ, мечется, гудитъ.
Ю. Балтрушайтисъ.

Гордый Юргисъ, ты похитилъ Вѣтеръ, Вѣтеръ у меня,
Ты подслушалъ и разслышалъ, какъ онъ шепчетъ,
[насъ дразня,
Какъ свиститъ и шелеститъ онъ возлѣ дрогнувшей
[листвы,
Возростая, отвѣчая завываніямъ совы.

Вдругъ притихнетъ, и забьется вкругъ единаго листка,
Надъ осиной вьется, вьется, дышетъ струйка вѣтерка,
Чуть трепещетъ, лунно блещетъ зачарованный листокъ,
И воздушенъ, и послушенъ, заколдованъ вѣтерокъ.

Только слушаетъ, какъ дышетъ шаткій листъ среди осинъ,
Между самыхъ, самыхъ чуткихъ, на одной, всего одинъ,
Листъ сорвался, покачнулся, и умчался далеко,
Вѣтерокъ имъ насладился, бросилъ дальше, какъ легко.

Вѣетъ, млѣетъ, цѣпенѣетъ, страннымъ шорохомъ въ [соснѣ,
Зашуршитъ на сучьяхъ старыхъ, страшнымъ травамъ [въ тайномъ снѣ.
Надъ сѣдыми пустырями зашепталъ онъ какъ колдунъ,
Вотъ затрессся и понесся, хохотъ, стоны, звоны струнъ.

Вспывши свѣтовъ. Двухъ поэтовъ, блѣдныхъ скальдовъ [онъ нашелъ,
Очертанья всѣхъ предметовъ измѣнилъ, и обошелъ.
Шопотъ Вѣтра гордымъ вѣдомъ, вѣщій Вѣтеръ [близокъ имъ,
Со зловѣщимъ, тайнымъ слѣдомъ, мы идемъ, и мы [слѣдимъ.

То мы вмѣстѣ, то мы порознь, затаимся межъ кустовъ,
Братъ—соперникъ, врагъ—помощникъ, два волхва [созвучныхъ сновъ.
Вѣтеръ съ нами, онъ землею, небесами насъ ведетъ,
Къ одному, смѣясь, приникнетъ, свистнетъ, крикнетъ — [и впередъ.

Не всегда жь мнѣ быть съ тобою, если властенъ и другой,
Звонки хвои въ лѣтнемъ знoѣ — звонко-влаженъ валъ [морской.
Въ смерти, въ жизни — я въ отчизнѣ, дальше, дальше, [мигъ не ждетъ,
Тотъ же дважды я не буду: больше, меньше,—но впередъ.

ЗАГАДКА

Что безъ крылъ летитъ?
Что безъ ногъ бѣжитъ?
Безъ огня горитъ?
И безъ ранъ болитъ?
Вѣтры буйные,
Туча грозная,
Солнце ясное,
Сердце страстное,
Вѣтры вольные,
Тучи черныя,
Солнце красное,
Сердце страстное.

Что безъ крылъ летя,
Безъ огня свѣтя,
Всѣхъ громовъ сильнѣй,
Всякихъ ранъ больнѣй?
О, не буйные
Вѣтры съ тучами,
И не ясное
Солнце красное.
О, не буйные
Вѣтры съ тучами, —
Сердце страстное,
Въ буряхъ властное.

ВЕСНА.

Вотъ и бѣлыя березы,
Развернувъ свои листы,

Подъ дождемъ роняютъ слезы
Освѣженной красоты.

Дождь идетъ, а Солнце свѣтитъ,
Травы нѣжныя блестятъ,
Эту нѣжность ихъ замѣтитъ,
И запомнитъ зоркій взглядъ.

Видя радость единенья
Солнца, влаги и стеблей,
Духъ твой будетъ какъ растенье,
Взоръ засвѣтится свѣтлѣй.

И войдетъ въ твои мечтанья
Свѣжесть пышной новизны.
Это—счастіе, свиданье,
Праздникъ Солнца и Весны!

НАШЪ ЦАРЬ.

Нашъ Царь—Мукденъ, нашъ Царь—Цусима
Нашъ Царь—кровавое пятно
Зловонье пороха и дыма
Въ которомъ разуму — темно.
Нашъ Царь—убожество слѣпое,
Тюрьма и кнутъ, подъ судъ, разстрѣлъ,
Царь — висѣльникъ, тѣмъ жалкій вдвое,
Что обѣщалъ, но дать не смѣлъ.
Онъ трусъ, онъ чувствуетъ съ запинкой.
Но будетъ, часъ расплаты ждетъ.
Кто началъ царствовать—Ходынкой,
Тотъ кончитъ—вставъ на эшафотъ.

ИСТУКАНЪ.

Есть такой большой Болванъ,
Онъ стоитъ въ степи,
Очень древній Истуканъ.
Я молился, но Болванъ
Мнѣ сказалъ: Терпи.

Что терпѣть? Давно терпѣлъ,
Больше не хочу.
Вдругъ я сталъ упрямъ и смѣлъ,
Быстро камень полетѣлъ,
Свистнулъ по плечу.

Камень въ камень. Эй, Болванъ,
Ты еще стоишь.
Но ударъ ужъ первый данъ,
Скоро, скоро, Истуканъ,
Внизъ ты полетишь.

———*———

ЦАРЬ—ЛОЖЬ

Народъ подумалъ: Вотъ—заря,
Пришелъ тоскѣ конецъ. —
Народъ пошелъ—просить Царя.
Ему въ отвѣтъ—свинецъ.

А, низкій деспотъ! Ты навѣкъ
Въ крови, въ крови теперь.
Ты былъ ничтожный человѣкъ,
Теперь ты подлый звѣрь.

Но кровь Рабочаго взошла,
Какъ колосъ, передъ нимъ.
И задрожалъ приспѣшникъ зла
Предъ колосомъ такимъ.

Онъ красенъ, нѣтъ ему серпа,
Обломится любой,
Гудятъ колосья, какъ толпа
Растетъ колосьевъ строй.

И каждый колосъ—острый ножъ
И каждый волосъ—взглядъ.
Нѣтъ, Царь, теперь не подойдешь,
Нѣтъ, подлый Царь, назадъ.

Ты насъ теперь не проведешь
Девятымъ Января,
Ты Царь, и значитъ—весь ты ложь,
И мы сметемъ Царя.

——::——

ПѢСНИ МСТИТЕЛЯ.

I.

ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ.

„Земля и Воля“ — крикъ Народа,
„Земля и Воля“ — кличъ крестьянъ.
„Все — заново, и всѣмъ — свобода“,
Рабочій крикнулъ сквозь туманъ.
„Все — заново, и всѣмъ — Свобода“
Какъ будто вторитъ Океанъ.

Мнѣ чудится, что бурнымъ ходомъ
Идетъ приливная волна.
Конецъ — тюремнымъ низкимъ сводамъ
Въ тюрьмѣ разрушена стѣна.
Судьба Россіи всѣмъ народомъ
Теперь должна быть рѣшена.

Крѣпчаетъ — воетъ непогода,
Но умъ Рабочаго—маякъ.
Въ Землѣ и Волѣ — жизнь народа,
Опять душить не сможетъ мракъ
Все — заново, и всѣмъ — Свобода,
Да будетъ такъ! Да будетъ такъ!

II.

ПОСЛѢДНІЙ ЗОВЪ

Теперь, когда идетъ рѣзня,
И жадны руки у злодѣя,
О, братья, слушайте меня,
Сомкнемтесь всѣ, дружнѣй, тѣснѣй.

Мы можемъ вѣрить лишь себѣ,
Составимъ тѣсную дружину,
Да будетъ каждый мигъ въ борьбѣ,
Разгонимъ мракъ, разгонимъ тину.

Мы будемъ слиты всѣ въ одно,
Вооружимся поголовно,
Вокругъ враговъ сомкнемъ звено,
Убійцъ—низложимъ хладнокровно.

У нихъ въ отвѣтъ на слово — кнутъ,
Они — свирѣпыя собаки.
За черносотенцемъ идутъ
Съ своей винтовкою казаки.

Еще имъ нравится игра
Въ Народъ — слѣпецъ съ Монархомъ-воромъ,
И называютъ шулера
Крикъ сердца празднымъ разговоромъ.

Такъ пусть же разумъ звѣрю мститъ,
И, если нѣтъ иного хода,
Я возвѣщаю динамитъ
Во имя вольности Народа!

III.

ЛЕТУЧІЯ МЫШИ.

Летучія мыши снуютъ,
Свѣтъ факеловъ ихъ испугалъ,
Расторгнутъ ихъ душный пріютъ
Трепещетъ ихъ цѣлый кагалъ.

Отрватенъ бѣсовскій ихъ видъ,
Шуршитъ нависающій рой.
Сорвется одна, полетитъ,
Качнутся незрячей гурьбой.

Очертятъ невѣрнымъ крыломъ
Два круга и — въ плѣсень опять.

Весь міръ имъ сошелся угломъ.
Имъ дальше угла—не видать.

Трусливо сплетается рой,
За мышь прицѣпляется мышь,
И вновь разорвался ихъ строй.
Ну, Дьяволъ, куда полетишь?

Свѣтъ факеловъ, какъ ты хорошъ!
Смотри: одурѣли враги,
Сильнѣй и сильнѣй ихъ тревожь,
Вспугни ихъ — и вовсе сожги!

IV.

ПѢСНЬ ПОЛЬСКАГО УЗНИКА.

(Adam Mickewich, Dzindy III)
Nie dham jaka spadnie kara.—*Felix.*

Какому бы злу я ни былъ отданъ, —
Рудникъ, Сибирь, — о, пусть. Не зря
Я буду тамъ: я вѣрноподданъ,
Работать буду для царя.

Куя металъ, вздымая молотъ,
Во тьмѣ, гдѣ не горитъ заря,
Скажу: пусть тьма, пусть вѣчный холодъ,
Топоръ готовлю для царя.

Татарку выберу я въ жены,
Татарку въ жены, говоря:

Быть можетъ, выношенъ, какъ стоны,
Родится Паленъ для Царя.

Когда въ колоніяхъ я буду,
Я огородъ себѣ куплю,
И каждый годъ, повѣря чуду,
Ленъ буду сѣять, коноплю.

Изъ конопли сплетутся нити,
Въ нихъ серебро мелькнетъ, горя,
Къ нимъ, можетъ, честь придетъ — о ждите:
То будетъ шарфомъ для Царя.

V.

ПѢСНЬ КРОВИ

(Dziady III)

Rvesa ma byla juz w grobie, juz
chlodna.—*Konrad.*

Пѣснь моя ужъ въ могилѣ была, ужъ холодной,
Кровь почуяла, воръ, изъ земли привстаетъ.
Смотритъ вверхъ, какъ вампиръ, крови ждущій, голодный,
Крови ждетъ, крови ждетъ, крови ждетъ.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ — пусть даже, пусть и безъ Бога!

Пѣснь сказала: пойду я, пойду ввечеру,
Будетъ грызть сперва братьевъ, имъ дума моя,
Тотъ, кого я когтями за душу беру,
Пусть вампиромъ предстанетъ, какъ я.

Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога,
Съ Богомъ — или хотя бы безъ Бога!
Мы потомъ изъ врага выпьемъ кровь — будемъ пить,
Его тѣло разрубимъ потомъ топоромъ,
Его ноги намъ нужно гвоздями пробить,
Чтобъ не всталъ, какъ вампиръ, съ жаднымъ сномъ.

И съ душою его мы пойдемъ въ самый Адъ,
Всѣ мы разомъ усядемся тамъ на нее,
Чтобъ безсмертье ея удушить, о, сто кратъ,
И пока будемъ жить, будемъ грызть мы ее.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ — пусть даже, пусть и безъ Бога!

VI.

ВСАДНИКЪ СЪ МЕЧОМЪ

(Памяти Безсмертнаго)

Всадникъ съ мечомъ на конѣ—
Гербъ незабвенной Литвы,
Какъ это нравится мнѣ
Всадникъ съ мечомъ на конѣ,
Гдѣ же, воители, вы?

Гдѣ же, созвучные, вы?
Или все это — во снѣ?
Моремъ зеленой травы
Ѣдетъ въ просторахъ Литвы
Всадникъ съ мечомъ на Конѣ.

Латы горятъ, какъ въ огнѣ.
Встаньте же, братья, и вы.
Свѣтъ вамъ несетъ онъ, и мнѣ
Всадникъ съ мечомъ на конѣ
Польши и древней Литвы.

VII.

ГДѢ МЕСТЬ?

Мы были вмѣстѣ. Врагъ нашъ былъ громаденъ.
Но противъ числъ имѣли числа мы,
И блески молній противъ тьмы,
И гнѣвъ красивыхъ противъ низкихъ гадинъ.
Я говорилъ: „Спѣшить ли намъ съ борьбой?
Иль въ тишинѣ вѣрнѣй ударъ готовить?"
Но вы сказали: „О, пѣвецъ! Лишь пой.
Мы побѣдимъ. Врагъ побѣжитъ гурьбой.
Ты — пой. Умѣй мятежность славословить.
Ты пѣсню лучше вѣдаешь, чѣмъ мечъ.
Шутя, мы съ перваго удара
Весь вражій станъ сметемъ въ огняхъ пожара". —

О, не всегда возможно отстеречь!
Предостеречь — до вѣрнаго мгновенья —
Такъ жаждалъ я. Сказали мнѣ: „Молчи,
Не говори. Иль пой. Умножь стремленье.
Отточены у насъ мечи.
Готовы мы, готовы для отмщенья.
Любой изъ насъ костромъ сверкнетъ въ ночи!"

И я запѣлъ. И ярко было пѣнье.
И клялся я, что буду вѣренъ вамъ.
Сказалъ: — „Не измѣню. Но смерть врагамъ
Иль месть отъ побѣжденныхъ. Месть, а
Будь то, что будетъ. Или вамъ — презрѣнье.
Кто поднялъ мечъ, кто бой начать умѣлъ,
Пусть побѣдитъ, иль въ мщеньи будетъ смѣлъ".

Ну, что жь? Не пѣлъ ли я? Такъ пѣть не можетъ
Никто другой
Мой стихъ звучитъ, какъ звукъ волны морской
Но пѣсня въ пораженьи не поможетъ.
А вы сошлись опять на звоны словъ?
Вамъ блескъ стиха пріятнѣй взмаха стали?
Ужъ не поплакать ли намъ вмѣстѣ отъ печали,
Меланхолически, что мы слабѣй враговъ?...
Мы связаны. Гдѣ месть? Гдѣ наше мщеніе?
Вожди борцовъ! Вашъ пылъ довольно малъ.
Я жду отъ васъ достойнаго свершенья.
Не отъ себя. Что я сказалъ, сказалъ.

VIII.

РАБОЧЕМУ РУССКОМУ СЛАВА

Рабочему Русскому — слава!
Во имя родного народа,
Онъ всѣмъ возвѣстилъ, что **Свобода**
Людское священное право.
Рабочему Русскому — слава!

О, Рабочій, ты вырвалъ испуганный крикъ
У Насилья, чьи дни сочтены,

Задрожалъ этотъ рабскій монаршій языкъ
Предъ напоромъ народной волны.
Онъ бормочетъ, лопочетъ, но дни сочтены,
Все освѣтитъ сіянье Весны
Еще снова и снова нахлынутъ на насъ
Роковые потемки Зимы.
Но ужъ красныя зори намѣтили часъ,
Колыхнулись всѣ полчища Тьмы.
Будемъ тверды, не сложемъ оружія мы
До сверженія вражьей Чумы.

Рабочему Русскому — слава!
Во имя родного Народа,
Онъ всѣмъ возвѣстилъ, что Свобода
Людское священное право
Рабочему Русскому — слава!

IX.

Слово и Дѣло

„Слово и Дѣло" — вашъ кличъ противъ насъ.
Что жь, мы достойно васъ встрѣтимъ.
Мы на миганія вражескихъ глазъ
Словомъ и дѣломъ отвѣтимъ.

Въ душу людскую дороги вамъ нѣтъ,
Можете мучить лишь тѣло.
Дѣлайте жь черное,—будетъ отвѣтъ
Красное Слово и Дѣло.

X.

ПРЕСТУПНОЕ СЛОВО

Кто будетъ говорить о словѣ примиренья,
Покуда въ тюрьмахъ есть сходящіе съ ума,
Тотъ долженъ самъ узнать весь ужасъ заключенья,
Понять, что вотъ, кругомъ, тюрьма.

Почувствовать, что умъ, въ тебѣ горѣвшій гордо,
Сталъ робко ищущимъ усладъ хоть въ безднѣ сна,
Что стерлась музыка, до крайняго аккорда,
Стѣна, стѣна, и тишина.

Кто будетъ говорить о словѣ примиренья,
Тотъ предастъ себя и предастъ другихъ,
И я ему въ лицо, какъ яркое презрѣнье,
Бросаю хлещущій мой стихъ.

XI.

КЪ ОСТЫВШИМЪ.

Ненавистны мнѣ враги.
Но друзья отвратны вдвое,
Если крикнувъ „Помоги“,
Если крикнувъ: „Здѣсь враги“, —
Я увижу ликъ ихъ соннымъ, въ преждевременномъ покоѣ.
Сладость — ненависть къ врагу,
Радость — жизнь отдать для мщенья.
Но жестоко — не могу —
Къ другу, къ другу, не къ врагу,
Вдругъ почувствовать не дружбу, а послѣднее презрѣнье.

XII.

ЗАВѢТЪ.

Не забывайте обидъ вѣковыхъ,
Мучимой раненой чести.
Я зажигаю сверкающій стихъ,
Полный дрожанія мести!

Я научу васъ, какъ вѣрныхъ моихъ,
Духомъ быть съ пламенемъ вмѣстѣ,
Не забывайте обидъ вѣковыхъ.
Мести насильникамъ, мести!

Взрывомъ вулкана ударимъ мы въ нихъ,
Звуками вражеской вѣсти,
Я возношу торжествующій стихъ
Мести насилію, мести!

XIII.

ДО КОНЦА

Горятъ огни, шумятъ станки,
Гудятъ станки фабричные.
Не въ силахъ я терпѣть тоски.
Былъ братъ — убитъ. Другимъ — цвѣтки,
А намъ — гроба кирпичные.

Могильный сводъ фабричныхъ стѣнъ.
Въ вискахъ — удары молота.
Въ плѣну мы здѣсь. И ты взятъ въ плѣнъ,
Убитъ за грѣхъ чужихъ измѣнъ,
И все въ умѣ расколото.

Былъ братъ, — убитъ. Мой братъ — убитъ.
И все? Гудокъ? Гудѣніе?
О, братъ за брата отомститъ!
Прощай, станокъ. Душа болитъ.
Иду. Есть правда: — Мщеніе!

ЦВѢТОЧКИ.

Я по рощицѣ ходила
Въ ней будила поутру,
Про себя я размышляла,
Что цвѣточковъ наберу.

Что цвѣточковъ я не мало
Заманю въ свою игру,
А ужъ силушка-то сила
Въ сердцѣ выхода просила.

Я лазоревыхъ цвѣточковъ
Межъ листочковъ набрала,
Я сама не замѣчала,
Какъ далеко я ушла,
Я златой цвѣтокъ срывала,
И душа была свѣтла,
Вдругъ увидѣлъ кусточекъ
Подъ кусточкомъ мой дружочекъ

Ужъ такой ли алъ цвѣточекъ
Мой дружочекъ мнѣ сорвалъ,
Я дрожала и не знала,

Какъ мнѣ скрыть тотъ цвѣтикъ алъ,
Такъ ужъ стыдно, небывало
Тотъ цвѣточекъ расцвѣталъ,
Не могу теперь дружочка
Отпустить изъ-подъ кусточка.

КЪ СЛАВЯНАМЪ

Славяне, какъ свѣтлая слава,
За то, что вы сердцемъ открыты,
Веселымъ младенчествомъ нрава
Съ природой весеннею слиты.

Къ любому легко подойдете,
Съ любымъ вы смѣетесь какъ съ братомъ,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите въ море богатомъ.

Враждуя съ врагомъ поневолѣ,
Сейчасъ помириться готовы,
Но, если на бранномъ вы полѣ,
Вы тверды и молча суровы,

И снова мечтой расцвѣчаясь,
Вы — гдѣ-то, забывши объ узкомъ,
И свѣтятъ созвѣздья, качаясь,
Въ сознаніи Польскомъ и Русскомъ.

Звеня, разбиваются цѣпи,
Шумитъ, зеленѣя, дубрава,
Славянскія души — какъ степи,
Славяне, вамъ свѣтлая слава!

СЛѢПЦЫ

Одинъ слѣпецъ ведетъ другого,
И въ безобразіи своемъ,
Кривымъ путемъ,
Глупецъ глупца,
Слѣпецъ слѣпца,
Впередъ уводитъ безъ конца.
Ты понимаешь это слово?
Поднявъ глаза, раскрывши рты,
Поднявъ глаза свои слѣпые,
Наощупь въ царствѣ темноты,
Кроты, кроты,
Они ползутъ, скрипятъ, — ихъ выи
Надменны, — полны срамоты
Ихъ неуклюжія движенья, —
Они, — одно, они — сцѣпленье,
Уродство самоослѣпленья.
Убогость эту понялъ ты?

БОЖІИ ПЛОТНИКИ

Мы плотники,
Мы работнички,
Всѣ работаемъ мы тутъ,
Надъ Судьбою судимъ судъ,
Мы вѣдь Божіи,
Не прохожіи.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Намъ топоръ проворный любъ,

Мы здѣсь строимъ бѣлый срубъ,
Топоромъ стучимъ,
Да въ свой духъ глядимъ.

Мы глядимъ на лѣсъ,
Въ Морѣ день воскресъ,
Послужили намъ лѣса,
Вотъ натянемъ паруса
На корабль мы свой,
На корабль живой.

Какъ плыть, такъ плыть,
Новый міръ открыть,
Мы постукиваемъ тутъ,
Стружки словно цвѣтъ цвѣтутъ,
Мы плотнички,
Мы работнички.

КУЗНЕЦЪ

Ты видала кузнеца?
Онъ мнѣ нравится, мой другъ.
Этотъ темный цвѣтъ лица,
Эта мѣткость жесткихъ рукъ,
Эта близость отъ огня,
Этотъ молотъ, этотъ стукъ, —
Все въ немъ радуетъ меня,
Милый другъ!

Я хочу быть кузнецомъ,
Я работаю, пою,

Съ запылавшимся лицомъ
Я смотрю на жизнь мою,
Возлѣ дыма и огня
Много словъ я создаю,
Въ этомъ радость для меня —
Я кую.

ВЫШЕ, ВЫШЕ

Я коснулся душъ чужихъ,
Точно струнъ моихъ.
Я въ нихъ чутко всколыхнулъ
Тихій звонъ, забытый гулъ.

Все обычное прогналъ,
Легкимъ стономъ простоналъ,
Бросилъ съ неба имъ цвѣты,
Вызвалъ радугу мечты.

И по облачнымъ путямъ,
Свѣтлымъ преданный страстямъ,
Сочетаньемъ звучныхъ строкъ
За собою ихъ увлекъ.

Трепетаньемъ звонкихъ крылъ
Отуманилъ, опьянилъ,
По обрывамъ ихъ помчалъ,
Забаюкалъ, закачалъ.

Выше, выше, всѣ за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь въ сѣть мою,
Я пою, пою, пою.

ПРИЗЫВЪ

(Изъ П. Б. Шелли)

Мой лучшій другъ, мой нѣжный другъ,
Пойдемъ туда, гдѣ зеленъ лугъ!
Ты вся свѣтла, какъ этотъ День,
Что гонитъ прочь и скорбь и тѣнь
И будитъ почки ото сна,
И говоритъ: „пришла Весна!“
Пришла весна, и свѣтлый Часъ
Блеститъ съ небесъ, глядитъ на насъ,
Цѣлуетъ онъ лицо земли,
И къ морю ластится вдали,
И нѣжитъ шепчущій ручей,
Чтобъ онъ журчалъ и пѣлъ звончѣй,
И дышитъ лаской между горъ,
Чтобы смягчить ихъ нѣжный взоръ,
И, какъ предтеча Майскихъ сновъ,
Раскрылъ онъ чашечки цвѣтовъ, —
И просіялъ весь міръ кругомъ,
Объятый свѣтлымъ торжествомъ,
Какъ тотъ, кому смѣешься ты,
Кто видитъ милыя черты.
Уйдемъ отъ пыльныхъ городовъ,
Уйдемъ съ тобою въ міръ цвѣтовъ,
Туда, гдѣ — мощные лѣса,
Гдѣ яско искрится роса,
Гдѣ новый міръ, особый міръ,
Поетъ звучнѣе нашихъ лиръ,
Гдѣ вѣтерокъ бѣжитъ, спѣша,
Гдѣ раскрывается душа,
И не боится нѣжной быть,

Къ другой прильнуть, ее любить,
Съ природой жить, и съ ней молчать,
И гармонически звучать.
И если кто ко мнѣ придетъ,
На двери надпись онъ найдетъ:
„Прощайте! Я ушелъ въ поля,
Гдѣ въ нѣжной зелени земля.
Хочу вкусить блаженства часъ,
Хочу уйти, уйти отъ васъ.
А ты, Разсудокъ, погоди,
Здѣсь у камина посиди,
Тебѣ подругой будетъ Грусть;
Читайте съ нею наизусть
Свой утомительный разсказъ
О томъ, какъ я бѣжалъ отъ васъ.
За мной, Надежда, не ходи,
Нѣтъ словъ твоихъ въ моей груди,
Я не хочу грядущимъ жить,
Хочу мгновенію служить,
И полонъ весь иной мечты,
Непредвкушенной красоты!"
Сестра лучистыхъ Вешнихъ Дней,
Проснись, пойдемъ со мной скорѣй!
Подъ говоръ птичьихъ голосовъ,
Пойдемъ въ просторъ густыхъ лѣсовъ,
Гдѣ стройный стволъ сосны могучъ,
Гдѣ еле свѣтитъ солнца лучъ,
Едва дрожитъ среди тѣней,
Едва цѣлуетъ сѣть вѣтвей.
Среди прогалинъ и кустовъ
Мы встрѣтимъ сонмъ живыхъ цвѣтовъ,
Фіалки намъ шепнутъ привѣтъ,

Но мы уйдемъ,—насъ нѣтъ какъ нѣтъ,
Мы ускользнемъ отъ анемонъ,
Увидишь синій небосклонъ,
Ото всего умчимся прочь,
Забудемъ день, забудемъ ночь,
И къ намъ ручьи, журча, придутъ,
Съ собою рѣки приведутъ,
Исчезнутъ рощи и поля,
И съ моремъ встрѣтится земля,
И все потонетъ, все — въ одномъ,
Въ безбрежномъ свѣтѣ неземномъ.

ПРИДОРОЖНЫЯ ТРАВЫ.

Спите полумертвые, увядшіе цвѣты,
Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
Близъ путей заѣзженныхъ взрощенные Творцомъ,
Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.
Въ часъ, когда всѣ празднуютъ рожденіе весны,
Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ однимъ нельзя:
Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.
Вотъ, полуизломаны, лежите вы въ пыли,
Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
Вы, что встрѣтить счастіе могли бы какъ и всѣ,
Въ женственной, въ дѣвической, въ нетронутой красѣ.
Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь.
Вашимъ равнымъ — царствовать, а вамъ навѣкъ уснуть.
Богомъ обдѣленные на праздникѣ весны,
Спите, не видавшіе расцвѣта красоты.

**
*

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный,
Страшенъ свѣточъ дня.
Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ
Но когда и гдѣ — не помню. Все теперь забылъ.
Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ?
И зачѣмъ? зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто;
Умъ безсильный нѣмъ:
Дождь струится безпощадный, вѣтеръ бьетъ въ окно;
Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ далеко, давно...
Для чего жъ ты вновь со мною, позабытый другъ,
Точно тѣнь встаешь и манишь?
Но темно вокругъ.
Мнй не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ.
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.
Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глазахъ
[огня.
Тише, тише, — засыпаю! Не буди меня.

ДОБРОЙ НОЧИ

(Изъ П. Б. Шелли)

Доброй ночи? — О, нѣтъ, дорогая! Она
Не добра, если гонитъ любовь мою прочь;
Проведемъ ее вмѣстѣ съ тобою безъ сна,
И тогда будетъ добрая ночь!
Развѣ можетъ быть добрая ночь безъ тебя?

Развѣ въ силахъ я грусть о тебѣ превозмочь?
Нѣтъ, — весь міръ позабыть, трепеща и любя, —
    Это добрая ночь!
Ночь лишь тѣмъ хороша, что мы ночью нѣжнѣй,
Отъ влюбленныхъ сердецъ скорбь уносится прочь,
Но не будемъ совсѣмъ говорить мы о ней, —
    И тогда будетъ добрая ночь!

ГИМНЪ ОГНЮ.

1.

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящій, живой!

2.

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
Многошумный въ пожарѣ,
Глухой для мольбы, многоликій,
Многоцвѣтный при гибели зданій,
Проворный, веселый и страстный,
Такъ побѣдно-прекрасный,
Что когда онъ сжигаетъ мое,
Не могу я не видѣть его красоты, —
О, красивый Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты!

3.

Ты мѣняешься вѣчно,
Ты повсюду — другой.

63

Ты красный и дымный
Въ клокотаньи костра.
Ты какъ страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ
[пламени,
Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи,
Съ его голубымъ основаньемъ.
Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
Фіолетовыхъ, аспидно-синихъ.
Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
Возникаешь невѣрностью молній,
То изломомъ сверкнешь,
То сплошной полосой,
То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
Золотой, огневой,
Съ перемѣнными красными пятнами.
Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
Ты отъ Солнца идешь и, какъ солнечный свѣтъ,
Согрѣвательно входишь въ растенья,
И будя и мѣняя въ нихъ тайную влагу.
То засвѣтишься алой гвоздикой,
То зашепчешь какъ колосъ пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты какъ искра встаешь
Изъ глухой томносты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришелъ? Это ты!
Черезъ мигъ ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
На тебѣ расплавляютъ металлы.
Близъ тебя создаютъ и куютъ
Много тяжкихъ подковъ,
Много косъ легкозвонныхъ,
Чтобъ косить, чтобъ косить ,
Много колецъ для пальцевъ лилейныхъ,
Много колецъ, чтобы жизни сковать,
Чтобъ въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
И устами остывшими слово „любить“
Повторять.
Много можешь ты странныхъ вещей создавать
Полносложность орудій, чтобъ годы дробить,
Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5.

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты
Я такой же, какъ ты.
О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
Встарину ты, какъ Змѣй, прилеталъ безъ конца
И невѣстъ похищалъ отъ вѣнца.
И какъ огненный гость много разъ, въ старину,
Ты утѣшилъ чужую жену.
О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!
Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
Ты горишь, какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ
[осеннихъ листовъ.

Ты блестишь, какъ двѣнадцатицвѣтный алмазъ,
Какъ кошечья ласкательность женскихъ влюбляющихъ
[глазъ,
Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,
Въ тотъ мигъ, какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожитъ
[и качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродящихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ
[и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша.
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Былъ не страшенъ Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя доборовольно, средь тьмы,
Межъ невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.

Въ немъ внезапное, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.
Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ — Смерть!

ПѢСНИ БЕЗЪ СЛОВЪ.

Ландыши, лютики. Ласки любовныя.
Ласточки лепетъ. Лобзанье лучей.
Лѣсъ зеленѣющій. Лугъ расцвѣтающій.
Свѣтлый, свободный, журчащій ручей.

День догораетъ. Закатъ загорается.
Шопотомъ, ропотомъ рощи полны.
Новый восторгъ воскресаетъ для жителей
Сказочной свѣтлой свободной страны.

Вѣтра вчерашняго вздохъ замирающій.
Полный луны перемѣнчивый ликъ.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Мигъ невозможнаго. Счастія мигъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ
[и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,

Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты;
Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.
Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
Эльфы свѣтлыя скликались и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей лунѣ,
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи,
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

ВЪ ДОМАХЪ

Въ мучительно-тѣсныхъ громадахъ домовъ
Живутъ некрасивые блѣдные люди,
Окованы памятью выцвѣтшихъ словъ,
Забывши о творческомъ чудѣ.

Все скучно въ ихъ жизни. Полюбятъ кого,
Сейчасъ же наложатъ тяжелыя цѣпи.
„Ну. что же, ты счастливъ?“ — „Да что жъ... ничего...“
О, да, ничего нѣтъ нелѣпѣй!

И чахнутъ, замкнувшись въ гробницахъ своихъ.
А гдѣ-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрѣй привидѣній людскихъ
Жуки, пауки и мокрицы.

Все цѣльно въ просторахъ безлюдныхъ пустынь,
Желанье свободно уходитъ къ желанью.
Тамъ нѣтъ заподозрѣнныхъ чувствомъ святынь,
    Тамъ нѣтъ пригвожденій къ преданью.

Свобода! Свобода! Кто понялъ тебя,
Тотъ знаетъ, какъ волны разливныя рѣки.
И если лавина несется губя,
    Лавина прекрасна навѣки.

Кто близокъ былъ къ смерти и видѣлъ ее,
Тотъ знаетъ, что жизнь глубока и прекрасна.
О, люди, я вслушался въ сердце свое,
    И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вотъ предо мною захлопнулись двери,
И въ клѣточкахъ гномы застыли опять,
    Лепечутъ: „Мы люди, не звѣри".

Я проклялъ васъ, люди. Живите впотьмахъ.
Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни.
Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.
    Вы къ казни идете отъ казни!

ВЫБОРЪ.

Будь свободнымъ, будь какъ птица, пой, тебѣ дана судьба.
Ты не можешь быть какъ люди, ты не примешь ликъ
[раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный ликъ,
Это быть въ пустынѣ темной, быть казненнымъ каждый
[мигъ.

Ты не можешь, ты не можешь, — о, мой братъ,
[пойми меня, —
Какъ бы могъ ты стать неяркимъ, ты, рожденный
[отъ огня!

Это — страшное проклятье, это — ужасъ: быть какъ всѣ.
Ты свободный, лучъ, горящій — въ водопадѣ и въ росѣ.

Ты порою малъ и робокъ, но неравенство твое —
Жизнь стихіи разрѣшенной, сохрани въ себѣ ее.

Ты сейчасъ былъ малъ и робокъ, но судьба тебѣ дана.
Вотъ ты вспыхнулъ, вотъ ты Солнце. Вся лазурь твоя,
[до дна.

* * *

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю,
Что безъ жалости жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободенъ, спокоенъ опять—
Но не радостенъ этотъ покой.
Если ночью начну я въ мечтахъ засыпать,—
Ты сидишь, какъ бывало, со мной.
Мнѣ мерещутся снова они —
Эти жаркіе лѣтніе дни,

Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Поцѣлуи и ласки твои,
Тихимъ смѣхомъ твоимъ озаренныя.
А проснулся я — ночь, какъ могила, темна,
И подушка моя холодна...
И мнѣ некому сердце излить,
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если жъ многіе дни безъ свиданья пройдутъ,
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;
Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ —
Мое сердце, какъ прежде, дрожитъ.
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,
Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я, съ безумной тоской,
Въ одинокій полуночный часъ,
Гдѣ бы образъ твой, нѣкогда мнѣ дорогой,
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ!—Дай же отвѣтъ!!..
Но отвѣта не слышно, страны такой нѣтъ,
И какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда, —
Противъ воли моей, противъ воли твоей,
Ты со мною вездѣ и всегда!

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ

О, люди, жалко,—скучные, о, глупые затѣйники,
Зачѣмъ свои мечтанія въ слова вложили вы?

Вы ходите, вы бродите, по селамъ коробейники,
Но всѣ людскіе вымыслы поблекли и мертвы.

Словами захватили вы всѣ радости желанныя,
Все тайное лишили вы свѣтло-завѣтныхъ чаръ,
И травы грубо топчете, и бродите, обманные,
И, сгорбленные, носите непрошенный товаръ.

Торгуете, торгуетесь, назойливо болтаете,
Ступая, убиваете безмолвные цвѣты.
И все, что въ мысли просится, на деньги вы считаете,
И въ сердцѣ оставляете проклятье пустоты.

О, скупщики корыстные, глядѣльщики безтыдные,
Оставьте насъ, — ужели же вамъ мало городовъ?
Луга мои, мечты мои, неслышныя, невидныя
Найду ли для любви моей нетронутыхъ цвѣтовъ!

ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ

Пой, сестра, ну, пой, сестрица.
Почему жь ты не поешь?
Раньше ты была какъ птица.
— То, что было, не тревожь.

Какъ мнѣ пѣть? Какъ быть веселой?
Въ маломъ садикѣ бѣда,
Съ корнемъ вырванъ кустъ тяжелый,
Розъ не будетъ никогда. —

То не вѣтеръ ли повѣялъ?
Не Перкунъ ли прогремѣлъ?—

— Вѣтеръ? Нѣтъ, онъ легкимъ рѣялъ.
Богъ Перкунъ? Онъ добръ, хоть смѣлъ.

Это люди, люди съ Моря
Растоптали садикъ мой.
Міръ дѣвическій позоря,
Межь цвѣтовъ прошли чумой.

Разорили, исказнили
Алый цвѣтъ и бѣлый цвѣтъ.
Было много розъ и лилій,
Много было, больше нѣтъ.

Я сама, какъ ночь съ ночами
Съ вѣчнымъ трепетомъ души,
Еле скрылась подъ вѣтвями
Ивы, плачущей въ тиши.

ТКАЧИХА

Дѣва вѣщая, ткачиха,
Ткетъ добро, съ нимъ вмѣстѣ лихо,
Пополамъ.
Лѣвой бѣлою рукою
Нить ведетъ съ борьбой, съ тоскою.
А рукою бѣлой правой
Нить прямитъ съ огнемъ и славой.
Ткани—намъ.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Въ царствѣ Блага, въ царствѣ Лиха,
Гдѣ то тамъ.

Пой для Дѣвы, Дѣва глянетъ,
Только ткать не перестанетъ
Никогда.
Сердцемъ зная всѣ напѣвы,
Заглянулъ я въ сердце Дѣвы.
Полюбилъ, и полюбился.
Въ замкѣ Дѣвы очутился
Навсегда.
Любо мнѣ, но душу ранитъ
Шумъ тканья, что не устанетъ
Никогда.

Диво вѣчное, ткачиха,
Тки, колдуй, но только тихо,
Не греми.
А не то проснутся люди,
И придутъ гадать о чудѣ.
Намъ вдвоемъ съ тобою дружно,
Намъ ненужно, не досужно
Быть съ людьми.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Тише, тише, въ сердцѣ—тихо,
Не шуми...

ТѢНЬ

(Загадка)

Ходитъ безъ ногъ
Цѣпко безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.

Придетъ на порогъ,
Предвѣстникомъ мукъ
Таинственной встрѣчи.

И взоромъ слѣпымъ
Глядитъ безъ глазъ,
Души не покинетъ.
Густѣетъ какъ дымъ,
И свѣтлый нашъ часъ
Темнѣетъ, стынетъ.

Ползетъ безъ ногъ,
Хватаетъ безъ рукъ,
Говоритъ безъ рѣчи.
И донынѣ не могъ
Умъ съ лукавствомъ наукъ
Избѣжать этой встрѣчи.

ИЗЪ СТРАНЫ КВЕТЦАЛЬКОАТЛЯ

Братья мыслей, вновь я съ вами я, проплывшій океаны,
Я прошедшій срывы, скаты голыхъ скалъ и снѣжныхъ [горъ,
Гордый жаждою увидѣть вѣчно-солнечныя страны,
Я принесъ для звучныхъ пѣсенъ красочный уборъ.

Я спою вамъ, часъ за часомъ, слыша вой и свистъ [мятели,
О величіи надменномъ вулканическихъ вершинъ,
Я спою вамъ о колибри, я спою нѣжнѣй свирѣли,
О странѣ, гдѣ съ горъ порфирныхъ смотритъ кактусъ— [исполинъ.

О странѣ, гдѣ въ чащѣ лѣса расцвѣтаютъ орхидеи,
Гдѣ полями завладѣли глянцевитости агавъ,
Гдѣ проходятъ ягуары, гдѣ шуршатъ подъ пальмой змѣи,
Гдѣ гремятъ цикады къ Солнцу, межъ гигантскихъ
[пышныхъ травъ.

О странѣ, гдѣ міръ созвѣздій предстаетъ инымъ узоромъ,
Гдѣ сіяетъ каждый вечеръ, символъ жизни, Южный
[Крестъ,
Гдѣ высоко, въ странномъ небѣ, опрокинуто предъ
[взоромъ
Семизвѣздіе Скандинавовъ, *Ursa Major* льдяныхъ мѣстъ.

Слыша сѣверныхъ мятелей стоны, бреды, вскрики, шумы,
Въ часъ радѣній нашихъ зимнихъ, при мерцаніи свѣчей,
Я васъ вброшу въ дождь цвѣточный изъ владѣній
[Монтецули,
Изъ страны Кветцалькоатля, изъ страны крылатыхъ
[змѣй.

ВО ВРЕМЯ

Во время, во время нужно сумѣть.
Если же ты не умѣешь, —
Золото вдругъ превращается въ мѣдь,
Пышный дворецъ — въ подневольную клѣть.
Кто тебя будетъ, убогій, жалѣть?
Самъ ты себя не жалѣешь.

Жатва приспѣла. Колосья — умы.
Колются, требуютъ грозно.

Будетъ, кричатъ, уже выросли мы,
Или ты хочешь дождаться зимы?
Вотъ, выползаешь трусливо изъ тьмы,
Поздно.

НАРЫВЪ

Самодержавіе разорвано, разбито,
Ему приходится къ работникамъ взывать.
Но мути мерзостной еще довольно скрыто,
Гнойникъ насилія все жъ будетъ нарывать.

Царь губошлепствуетъ. Въ дворцѣ его — громила,
Кричащій съ наглостью: Патроновъ не жалѣть.
Другой холопъ, понявъ, что Пролетарій—сила,
Лопочетъ: Братцы, стой — я вамъ готовлю — клѣть.

О, мерзость мерзостей! Распадъ, зловонье гноя!
Нарывъ уже набухъ, и, пухлый, ждетъ ножа.
Тѣснѣй, товарищи, сплотитесь всѣ для боя,
Ухватимъ этого колючаго ежа.

Его колючки — штыкъ, его колючки — пули,
Его ухватка — ложь, фальшивыя слова.
Но голосъ Вольности растетъ въ безмѣрномъ гулѣ: —
Прочь, старое гнилье! Пусть будетъ жизнь жива!

ЗВѢРЬ СПУЩЕНЪ

Звѣрь спущенъ. Вотъ она, потѣха
Разоблаченныхъ палачей.

Звѣриный ликъ. Раскаты смѣха.
Звѣриный голосъ: Бей! Бей! Бей!

И вдоль по всей Россіи, снова,
Взметнулась, грязная всегда,
Самодержавія гнилого
Разсвирѣпѣвшая орда.

Ударъ могучій Общей Стачки
Ихъ выбилъ вонъ изъ колеи,
Добычи нужно имъ, подачки
Отъ ихъ Романовской семьи.

Чужое нужно паразитамъ,
Свобода — гадамъ не подстать.
И вотъ они, своимъ синклитомъ,
Спустили Звѣря погулять.

Но мы не спимъ, мы четко видимъ,
Борцовъ Возстанія не счесть.
И тѣхъ, кого мы ненавидимъ,
Въ свой должный мигъ постигнетъ месть.

Гуляй же, Звѣрь Самодержавья,
Являй всю мудрость для глазъ.
Навѣкъ окончилось безправье.
Ты осужденъ. Твой пробилъ часъ.

НЕИСТОВОЕ ВОИНСТВО

Неистовое воинство набѣговъ грозовыхъ
Живетъ въ сознаньи прадѣдовъ, какъ полнозвучный
[стихъ.

Все въ рокотахъ, все въ молніяхъ, въ разметанностяхъ
[тучъ,
Налетъ его зиждителенъ, набѣгъ его пѣвучъ.
Индусы намъ повѣдали, какъ Рудра, царь вѣтровъ,
Стада сгоняетъ пышныя, средь облачныхъ луговъ.
Утонченники Мексики, средь грозовыхъ полей,
Кветцалькоатля видѣли, что былъ Перистый змѣй
Бойцамъ во имя Одина въ Валгаллѣ было дано,
Среди валькирій пиршество навѣкъ тамъ суждено.
Вотанъ, съ Германской музыкой, лелѣя слухъ и взоръ,
Со свитою проносится къ уступамъ темныхъ горъ.
Славяне тоже вѣдали напѣвъ и громы струнъ,
Стрибогъ имъ вѣялъ стрѣлами, имъ гулъ металъ Перунъ.
Всѣ воинства неистовы набѣговъ грозовыхъ,
Славянскихъ странъ, моей страны, и всякихъ странъ
[иныхъ
Имъ подражали воинства реальныхъ словъ и дѣлъ,
Напѣвы имъ звенящіе Поэтъ не разъ пропѣлъ.
О, Горе! Только воинство Россіи нашихъ дней
Лишь подлостью прославилось наемныхъ палачей.

РУССКОМУ ОФИЦЕРУ

Грубый солдатъ! Ты еще не постигъ,
Кому же ты служишь лакеемъ?
Ты сопричислился — о, не на мигъ! —
Къ подлымъ, къ безчестнымъ, къ злодѣямъ.

Я тебя видѣлъ въ разцвѣтѣ души,
Встрѣчалъ тебя вольно-красивымъ.

Низкій! Какъ палъ ты! Въ трясинѣ! Въ глуши!
Трупъ ты, въ гробѣ червивомъ,
Кровью ты залилъ свой жалкій мундиръ.
Душою ты въ пропасти темной.
Проклятъ ты. Проклятъ тобою весь міръ.
Нечисть! Убійца наемный!

БУЛЬДОГЪ

Дайте день-другой Бульдогу,
Онъ вѣдь властнымъ быть привыкъ.
Онъ рычитъ, но понемногу
Всѣмъ уступитъ онъ дорогу,
И прикуситъ свой языкъ.
Дайте день-другой Бульдогу.

Былъ онъ толстый, былъ онъ злой,
Былъ свирѣпый, былъ кусачій,
Попилъ крови онъ людской.
Тяпнетъ-ляпнетъ, самъ не свой,
Ну, и кончилъ неудачей, —
Обожрался дьяволъ злой.

Занемогъ, и сталъ худымъ,
Сталъ визжать и сталъ ползучимъ.
Скоро мы покончимъ съ нимъ,
Шкуру въ бубенъ превратимъ,
Грянемъ бубномъ тѣмъ гремучимъ.
Эй Бульдогъ, плясать хотимъ!

ПЕРЕКЛИЧКА ГЕРОЕВЪ

Товарищи-герои
Зачахшаго Царя,
Въ великомъ неспокоѣ,
Сошлися въ лѣтнемъ зноѣ,
И сѣли, говоря:

Товарищи-герои,
Намъ равныхъ въ свѣтѣ нѣтъ.
Мы въ мірѣ — громъ побѣдъ.
А разъ бѣда настала,
Добычи стало мало,
Обсудимте предметъ,
Найдемъ дырѣ затычку
Начнемьте жь перекличку,
Составимте совѣтъ.

„Ты кто?“ — „Я объѣдало.
Я ѣсть всегда готовъ,
Ѣмъ сразу семь быковъ,
И все утробѣ мало.
Съѣмъ триста пироговъ,
И щелкаю зубами.
Хватаю хлѣбъ снопами.
У лошадей овесъ, —
Имъ сытость не пристала, —
Схвачу, съѣмъ цѣлый возъ.
Иду къ коровамъ. Мало!“

Прислужники Царя
Пропѣли хоромъ: „Слава!

Ты мыслишь не лукаво
Столь просто говоря".

„А ты кто?" — Опивало.
Припѣвъ мой тоже — „Мало"
Дай бочекъ сто вина,
Мнѣ шутка въ томъ одна".

Прислужники запѣли:
„Ну, что же, въ самомъ дѣлѣ,
Напали мы на слѣдъ,
Наладился совѣтъ.
Чего же мы робѣли?"

„А ты кто?" — Скороходъ.
Одна нога на морѣ,
Какъ по суху идетъ,
Другая на просторѣ
Чужихъ полей и рѣкъ,
Я быстрый человѣкъ,
Умѣю подвигаться,
Наставлю пушекъ въ рядъ
И ни одинъ зарядъ
Не выпущу — что драться!
Кто можетъ подвигаться
Тотъ между двухъ морей
Всѣ пушки, какъ игрушки
Для маленькихъ дѣтей,
Оставитъ на опушкѣ,
Самъ въ лѣсъ, бѣжать, скорѣй.
Вѣдь бѣгали и боги.
Хвалите жъ эти ноги.

Я дивный Скороходъ,
И кто меня пойметъ!"

Его никто не понялъ,
Но разумѣли всѣ,
Онъ рѣчью всѣхъ ихъ пронялъ.
О, рѣчь, въ ея красѣ

И длилась перекличка.

„А ты кто?" — „Я Стрѣлокъ.
Я птичка-невеличка
Но въ самый краткій срокъ,
Кто думать смѣлъ и могъ,
Тотъ думать перестанетъ.
Да, ноги онъ протянетъ,
Не такъ, какъ Скороходъ,
И всякъ меня пойметъ.
Смутьянить перестанетъ".

Прислужники Царя
Стрѣлка завеличали,
Стрѣлка они качали,
Съ утѣхой говоря:
Какой намъ ждать печали?"

„А ты кто?" — „Чуткій я
Подслушивалъ съ пеленокъ,
Вся въ этомъ жизнь моя.
Мой слухъ такъ дивно тонокъ,
Что слышу даже то,
Чего не зналъ никто.

Разслышу черезъ стѣны,
Проникну черезъ лбы.
Никто своей судьбы
Не минетъ въ мигъ измѣны.
Дрожите же, рабы,
Мой перстъ вамъ списки пишетъ.
Не мыслишь ты сейчасъ, —
Возмыслишь черезъ часъ.
Но Чуткій чутко слышитъ: —
Заранѣе, впередъ" .

Ахъ, умъ — какъ сладкій медъ!

Герои ликовали,
Провѣрили печали,
Распутана бѣда,
Но скудно пировали: —
Есть деньги не всегда.
Но имъ за трудъ награда
Должна же быть. Такъ надо.
И вотъ, идя ко сну,
Рѣшимъ синклитъ, подумавъ:
„Теперь — у толстосумовъ
Пощупаемъ мошну".

ЦАРЬ-МОРОЗЪ

Царь-Морозъ крутитъ пушинки,
Строитъ замки изо льда.
Блестки, капельки, снѣжинки

Превращаетъ въ города;
Ототго, что у Мороза
Какъ кристалъ прозрачна греза,
Ну, а воля ужъ тверда.
Много въ мірѣ есть пушинокъ,—
Мысли, помыслы людей,
Наши слезы — отсвѣтъ льдинокъ,
Каждый малъ въ судьбѣ своей.
Но, принявъ рѣшенье твердо, —
Побѣдимъ мы всѣхъ царей.

БУДТО БЫ РОМАНОВЫМЪ

Ослабѣли Романовы. Давно ихъ пора убрать.
(Слова костромскаго мужика).

Были у насъ и Цари и Князья,
Правили. Правили разно.
Ты же, развратныхъ ублюдковъ семья,
Правишь вполнѣ безобразно.

Даже не правишь. Ты просто Бэдламъ,
Злой, полуумно-спѣсивый.
Домъ палачей, историческій срамъ,
Глупый, бездарный и лживый.

Былъ въ оны годы безумный Иванъ,
Былъ онъ чудовищно-ликимъ,
Самоуправствомъ кровавымъ былъ пьянъ,
Все жъ былъ онъ грозно-великимъ.

Былъ онъ бѣсовской мечтой обуянъ,
Дьяволамъ былъ онъ игрушка: —
Этотъ, — теперешній, лишь истуканъ,
Маріонетка, Петрушка.

Былъ въ оны годы совсѣмъ идіотъ,
Ликомъ уродливый, Павелъ,
Кукла солдатикъ,—но все же и тотъ
Лучшую память оставилъ.

Павла предъ нынѣшнимъ нужно цѣнить,
Павелъ да будетъ восхваленъ: —
Онъ не тянулъ свою гнусную нить,
Быстро былъ созданъ имъ Паленъ.

Этотъ же мерзостный, съ лисьимъ хвостомъ,
Съ пастью, приличною волку,
Къ миру людей закликаетъ, — притомъ
Грабитъ весь міръ втихомолку.

Грабитъ, кощунствуетъ, ежится, лжетъ,
Жалко скулитъ, какъ щенята.
Вы же, ублюдки, придворный оплотъ,
Славите добраго брата.

Будетъ. Окончилось. Видимъ васъ всѣхъ.
Вамъ приготовлена плаха.
Грѣхъ исказнителей — смертный есть грѣхъ.
Ждите же царствія Страха.

БУДЕТЪ

Что жъ, въ самомъ дѣлѣ,
Будете вы продолжать безъ конца?
Эти комедіи намъ надоѣли
Съ главною ролью—Глупца.

Будетъ ужъ, будетъ,
Нѣтъ дарованья, смѣшались всѣ роли у васъ.
Ваше упрямство умѣнія въ васъ не пробудитъ.
Кончился часъ.

Надо же знать чувство мѣры.
Или изъ васъ не припомнилъ еще ни одинъ?
Этихъ комедій уже существуютъ примѣры.
Вспомните Францію! Вспомните звукъ гильотинъ!

ВОЗРОЖДЕНІЕ

(Сонетъ)

Близъ пышной Мексики, въ предѣлахъ Аризоны,
Межъ рудниковъ нашли окаменѣлый лѣсъ,
Въ потухшемъ кратерѣ, гдѣ скаты и уклоны
Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.

Предъ взоромъ пристальнымъ ниспала мгла завѣсъ,
И вотъ горитъ агатъ, сафиры, халцедоны, —
Въ тропическихъ лучахъ цвѣтущей Аризоны
Сквозь тьму временъ возсталъ давно отжившій лѣсъ.

Онъ былъ засыпанъ здѣсь могучимъ слоемъ пыли,
Стихійной вспышкой оторгнутъ отъ земли,
Съ ея Созвѣздьями, горящими вдали.

Но канули вѣка, и кратеры остыли,
Скитальцы блѣдные владыками пришли, —
И новымъ сномъ зажглись обломки давней были.

ПРАВДА.

А правда пошла по поднебесью.
(Изъ Голубиной книги).

Кривда съ Правдою сходилась,
Кривда въ спорѣ верхъ взяла.
Правда въ Солнце превратилась
Въ мірѣ чистый свѣтъ зажгла.

Удалилась къ поднебесью,
Бросивъ Кривду на землѣ,
Свѣтитъ лугу, перелѣсью,
Жизнь рождаетъ въ мертвой мглѣ.

Съ той поры до дней текущихъ
Только Правдой и жива
Межъ цвѣтовъ и травъ цвѣтущихъ
Жизни грусть, плакунъ — трава.

Съ той поры на синемъ Морѣ,
Тамъ, гдѣ валъ непобѣдимъ,
Правды ждетъ съ огнемъ во взорѣ
Птица мощная Стратимъ.

И когда она протянетъ
Два могучія крыла, —
Солнце встанетъ, Море грянетъ:
„Правда, Правда въ міръ пришла!“

КРЫМСКАЯ КАРТИНКА

Все сильнѣе горя,
Молодая заря
На цвѣты уронила росу.
Гулъ въ лѣсу пробѣжалъ,
Горный лѣсъ задрожалъ,
Зашумѣлъ между скалъ водопадъ Уганъ-Су.
И горячъ, и могучъ,
Вспыхнулъ солнечный лучъ,
Протянулся, дрожитъ, и цѣлуетъ росу,
Поцѣлуй его жгучъ,
Онъ сверкаетъ въ лѣсу,
Тамъ, гдѣ гулъ такъ пѣвучъ,
Онъ цѣлуетъ росу,
А межъ сосенъ шумитъ и журчитъ Уганъ-Су.

БОЖЬЯ

Спросилъ я весеннюю божью коровку:
Зачѣмъ одѣваешься въ красную кровку?
Нарядъ у сестренки твоей—золотой.
Но малая божья рубинка молчала,
И двигали крылья, и ихъ расцвѣчала,
Раскрыла—и прочь отъ вопросовъ, домой.

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА

Запорожская дружина дней былыхъ была прекрасна,
Въ ней товарищи носились за врагами по степямъ.
Не жалѣли, не смущались, и одно имъ было ясно:
Это небо—наше небо, эти степи—служатъ намъ.

И, смѣнивши клики брани на безуміе попойки,
Братскимъ смѣхомъ запорожцы озаряли свѣтлый часъ.
И по степи точно мчались чьи-то бѣшеныя тройки,
Эти отзвуки веселья колдовали тамъ для насъ.

Колдовали и звенѣли. Напѣвали: Время минетъ.
Замолчатъ курганы наши. Будемъ въ вѣтрѣ мы
[какъ пыль.
Но въ потомкахъ наша память да не меркнетъ, да
[не стынетъ,—
Слышу, дѣды-запорожцы, мнѣ звенитъ о васъ ковыль.

Запорожская дружина насъ, познавшихъ силу свѣта,
Насъ, чей гордый лозунгъ вѣчно юнаго лица,
Да пребудетъ неизмѣнной, какъ звенящій стихъ Поэта,
Да пребудетъ полновластной, какъ побѣдный кликъ
[Пѣвца.

——::——

ПЕРЕВАЛЪ

Справа—горы, слѣва—горы,
Справа, снизу, тамъ узоры
Задремавшихъ селъ.
Слѣва—кручи, слѣва—тучи,
Слѣва слышенъ зовъ пѣвучій,

То прорвался ключъ гремучій,
И завелъ,
Мысль повелъ онъ по извивамъ,
Въ бѣгѣ срывномъ и счастливомъ
Пляшетъ онъ по склонамъ скалъ,
Вотъ запалъ,
Вотъ юркнулъ,
Въ царствѣ камня потонулъ,
Снова, ящерицей, глянулъ,
Залукавилъ, промелькнулъ,
Снова скрытности оставилъ,
Выросъ, поднялъ цѣлый гулъ
Закурчавилъ гребни скалъ,
И отъ селъ,
Миновавши перевалъ,
Влѣво — влѣво онъ ушелъ,
И рокочетъ, не усталъ,
И отъ выси въ самый долъ
Свѣже-брызжущую влагу лентой свѣтлою провелъ.

МОСТЪ ВЗДОХОВЪ

(Изъ Т. Гуда)

Еще несчастливая
Устала дышать
Ушла, торопливая
Лежитъ, чтобъ не встать

Ее равнодушною
Не троньте рукой;

Такую воздушную
Берите съ мольбой.

Глядите покровами
Какъ будто суровыми
Могильными тканями
Покрыта она;
Какъ будто съ рыданьями
Къ ней льнула волна.
Не тронь проклинаньями
Безмолвіе сна, —
Она молода и нѣжна.

Не съ мрачнымъ презрѣніемъ, —
Съ тоской, съ сожалѣніемъ
Склонись человѣчески къ ней:
Нѣтъ больше въ ней темнаго
Лишь чары въ ней скромнаго,
Въ ней женственность стала нѣжнѣй.

Брось думу пытливую —
Мятежна ль она:
Душа торопливую
Судить не должна,
Исчезло все черное,
Все стерлось позорное,
И какъ она въ смерти нѣжна!

Ея заблужденія
Достойны прощенія, —
Дочь Евы прости.
Съ устъ, полныхъ забвенія,

Сотри загрязненіе,
И волосы ей поспѣши заплести
Каштаново-темные:
Длинна ихъ волна.

Вопросы встаютъ безполезно-нескромные:
Откуда она?
Кто былъ ей отецъ? Кто родимая?
Иль, можетъ быть, братъ былъ у ней?
Сестра? Иль подруга любимая?
Иль кто-нибудь ближе, тѣснѣй
Съ ней связанный,
Сердцемъ указанный,
Кто всѣхъ былъ желаннѣе ей?

О, гдѣ милосердіе?
Какъ рѣдко оно!
Нѣтъ въ сердце усердія,
И сердце темно.
Подумать что людными
Столица домами полна, —
Но съ мыслями трудными
Была безъ пріюта она!
Что матерью звалося
Отцомъ нарекалося
Что братомъ звалось и сестрой,
Все вдругъ измѣненное,
Разсталось съ душой;
Любовь оскорбленная
Осталась одной...

Какъ будто отъ самыхъ Небесъ отчужденная
Стояла она надъ волной,
И лампы дрожащія,
Вдоль темной рѣки,
И всюду горящіе
Тамъ въ окнахъ огни, огоньки,
Съ громадою темною
Тяжелыхъ домовъ
Давили бездомную,
Ее, что утратила кровъ.
Подъ вѣтромъ пронзительнымъ
Дрожала она;
Потокомъ стремительнымъ
Рѣка убѣгала, темна,
Но ей не страшна!
Всей повѣстью жизни обманута,
Спѣшитъ она въ пропасть и въ ночь, —
И силы вдругъ прибыло...
Куда бы то ни было,
Скорѣе, скорѣе куда бы то ни было,
Но только изъ міра ужаснаго прочь!

Безъ удержу ринулась, —
Что холодъ воды!
Въ безвѣстность откинулась
Отъ здѣшней бѣды!
Ты, съ волей желѣзною,
Ты, взявшій свое,
Ты можешь надъ бездною
Представить ее?
Коль знаешь, какъ зыбкою
Явилась вода, —

Пей воду съ улыбкою
Въ ней мойся тогда.

Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такую воздушную
Берите съ мольбой,
Мечтою послушною
Щадите безмолвіе сна, —
Она молода и нѣжна.
Еще не застывшее,
Несчастно любившее,
Сложите, какъ слѣдуетъ, тѣло ея,
Закройте безсонные
Глаза ослѣпленные,
Упорно хранящіе горе свое.

Сквозь плѣсень холодную,
Сквозь грязь эту водную,
Такъ страшно глядитъ неотступно тотъ взоръ;
И нѣтъ въ немъ раскаянья,
Въ немъ только отчаянье.
Въ немъ дерзкая смѣлость и горькій укоръ.
Убитой мученіемъ,
Жесткимъ презрѣніемъ,
Бездушьемъ людскимъ,
Горящимъ безумьемъ своимъ, —
Сложите ей руки: какъ будто съ моленіемъ,
Какъ будто она со смиреніемъ
Лежитъ, утомившись борьбой...
Да будетъ ей вѣчный покой.

—*—

ОГЛАВЛЕНІЕ

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Бѣлохъ. Всеобщая географія $1.2
Смирновскій, Этимологія 4
Смирновскій, Синтаксисъ 6
Киселевъ, Ариѳметика 8
Вахтеровъ В. и Э., Хрестоматія 1.2
Тулуповъ, Прописи правописанія 3
Пушкинъ, Избранныя стихотворенія 4
Лермонтовъ, Избранныя стихотворенія 4
Никитинъ, Избранныя стихотворенія 4
Надсонъ, Избранныя стихотворенія 5
Некрасовъ, Избранныя стихотворенія 5
Кольцовъ, Избранныя стихотворенія 4
Всѣ 6 книгъ въ 2-хъ красиво переплетенныхъ томахъ.. 4.5
Чтецъ-декламаторъ. Сборникъ стихотвореній, монологовъ и поэмъ 1.2
Тоже въ красивомъ переплетѣ 1.8
Амфитеатровъ, Сказка объ одной головѣ и ея обладателѣ (Сатира на Николая II.) 2
Бальмонтъ, Избранныя стихотворенія 5
Графъ Ал. Толстой, Избранныя стихотворенія 5
Гейне, Избранныя стихотворенія 5
Демьянъ Бѣдный, Басни и сатиры 5
Салтыковъ-Щедринъ, Сказки:—
Книжка 1-ая. Премудрый Пискарь; Бѣдный волкъ; Карась-идеалистъ 2
Книжка 2-ая. Здравомысленный заяцъ; Вѣрный Трезоръ; Баранъ Непомнящій; Кисель 2
Книжка 3-ья. Добродѣтели и пороки; Недреманное око; Station Дуракъ 2
Книжка 4-ая. Коняга; Христова ночь; Рождественская сказка 2
Книжка 5-ая. Самоотверженный заяцъ; Какъ мужикъ двухъ генераловъ кормилъ; Дикій помѣщикъ 2
Книжка 6-ая. Сосѣди; Либералъ; Путемъ-дорогою 2
Всѣ 6 книжекъ въ одномъ томѣ 1.0
Тоже въ красивомъ переплетѣ 1.6
Хейсинъ и Щегло. Чему учатъ Соціалъ-демократы 3
Каутскій. Государство будущаго 4

